

Он замер перед Августом, и его лицо, затмевающее всех смертных, словно поглотило всё великолепие бала: «— Мой господин».

Идея устроить пышное празднование дня рождения Августа принадлежала Ричарду II. Однако воплотить этот замысел в жизнь, превратив его в безупречную реальность, выпало на долю Рафаэля.

Черноволосый юноша был бесспорно выдающимся — это проявлялось во всём: от управления государственными делами от имени короля до тщательной подготовки празднества для племянника. Убранство зала было роскошным и со вкусом, слуги — предупредительными и слаженными, гости не скупались на похвалы, уже мечтая заполучить приглашение на следующий бал герцога.

Август не знал, что думали другие, но за обе свои жизни он всегда мечтал именно о таком торжестве — полном гостей, с древним замком и шампанским. Рафаэль уловил самую суть, приведшую Августа в восторг: всё это было устроено исключительно для него.

Кто не мечтал побыть маленьким принцем?

Возможно, спустя множество подобных мероприятий Август пресытился бы балами, полными фальшивых улыбок и показной гармонии, но сейчас, впервые получив такой подарок, он был счастлив. Каждая деталь идеально соответствовала его ожиданиям, и в каждой угадывались забота и любовь Рафаэля.

Под влиянием окружения Август за последние годы стал открытее и эмоциональнее. Охваченный порывом, он бросился обнимать Рафаэля, крепко прижав его к себе.

Уткнувшись головой в плечо дяди, он проговорил: «Я хочу быть с тобой одной семьёй всю жизнь!»

Рафаэль, до этого момента наслаждавшийся объятиями, слегка опустил уголки губ: «Но я не хочу быть с тобой семьёй. Что же делать?»

Август на мгновение замер, а затем рассмеялся. Классическая реакция гордеца — он это понимал!

Не давая Рафаэлю опомниться, Август продолжил: «Ты что, выкрал мои мысли? Иначе как ты смог воссоздать всё, о чём я мечтал, до мельчайшей чёрточки?»

«Потому что это когда-то было и моей самой заветной мечтой». Эти слова застряли у Рафаэля в горле, но он промолчал. Его взгляд вновь обрёл холодную уверенность могущественного графа, и он сдержанно улыбнулся: «Сочти это врождённым даром. Я уже мысленно увеличил масштаб твоей будущей благодарности».

Ослеплённый красотой Рафаэля, Август кивнул не задумываясь: «Конечно, нет проблем! Готов хоть сейчас тебя расцеловать! Десять раз хватит?»

Рафаэль рассмеялся: «Я предпочту отложить этот сюрприз на потом».

Получив отказ, герцог слегка приуныл. Золотистый вихор безвольно упал на лоб, а на лице застыло выражение такого жгучего желания, что, казалось, оно вот-вот выплеснется за край. Ему ужасно хотелось это сделать!

Запретный плод сладок — что уж тут поделаешь.

И тогда герцог, недолго думая, огляделся, убедился, что вокруг ни души, и стремительно прикоснулся губами к щеке Рафаэля. Она оказалась прохладной, но невероятно нежной и гладкой, слегка пружинящей под губами. Одним словом — высший класс! Словно поцеловал желе, источающее сладкий аромат, от которого хочется откусить кусочек.

Видимо, Август и впрямь действовал с быстротой молнии, ведь даже Рафаэль, известный своей реакцией и бдительностью, не успел среагировать. Однако тот отнёсся к произошедшему со всей серьёзностью: «Это ты похитил поцелуй, так что в счёт награды он не идёт».

«Ладно, ладно!» — ответил герцог, чувствуя себя победителем. Теперь он пребывал в состоянии «ты красавец, тебе и решать».

Их нежностям не суждено было затянуться — вскоре начался настоящий бал.

А бал, как известно, немыслим без танцев и угощений. В эпоху Средневековья, когда шведский стол ещё не вошёл в моду и не позволял совместить эти два удовольствия, аристократы обычно сначала трапезничали за невероятно длинными столами, затем отдыхали (джентльмены курили, дамы переодевались и поправляли макияж), и лишь потом начинались танцы.

Стол был покрыт алой шерстяной скатертью с золотой каймой, края которой ниспадали до самого пола. Поверх неё лежали ещё два слоя более коротких белых полотниц.

Ещё смотря английские сериалы, Август гадал, зачем нужна такая сложная сервировка, — теперь загадка была разгадана. Дополнительные слои ткани защищали столешницу, когда на неё ставили доску для нарезки хлеба. Их же можно было использовать как салфетки, положив на колени, чтобы свободнее есть. Разумеется, у каждого гостя имелась и личная чисто-белая салфетка, сложенная наподобие митры епископа, — до мелочей продуманная забота о знатных особах.

Во главе стола стоял высокий кресло с закрытым сиденьем-сундуком — место короля, символ его величия и власти. Спинка была украшена ажурной резьбой с дубовыми листьями и лилиями. Выглядело красиво, но о комфорте сидящего, пожалуй, лучше промолчать. Остальные стулья располагались ниже, создавая ощущение, что гости, словно звёзды, окружают монарха.

Когда все расселись, трапеза началась.

Английская кухня славилась неистощимой изобретательностью, а строгая иерархия застольного этикета ничуть не уступала ей в сложности.

Август имел в виду не общеизвестные правила о положении ножей и вилок или о том, какой прибор для какого блюда использовать. Речь шла о том, что в Средние века аристократы по-разному разделявали разные виды мяса.

Для этого даже существовали специальные руководства, подробно описывавшие этот обязательный для дворянина навык. Например, в «Книге благовоспитанности» Рассела встречались такие забавные и странные формулировки, как «усмири сего краба», «разъяри сустав сей цапли» или «яви свою курицу».

Средневековые люди верили, что безупречное разделявание яств за столом — это особая форма демонстрации рыцарского мастерства. За королевским столом это искусство достигало

апогея: каждый дворянин жаждал произвести на монарха впечатление отвагой и ловкостью. Более того, этому обучались с детства, дабы однажды блистать на королевских пирах.

Среди оруженосцев Августа был мальчик, умевший расчленив голову телёнка в шестнадцати местах, причём линии разрезов получались безупречными. Август был настолько поражён, что едва не захлопал в ладоши, восхищаясь сей своеобразной искусством поведения.

Но аплодировать не пришлось — Рафаэль, сидевший справа, вовремя остановил его.

Августу не нужно было что-либо демонстрировать Ричарду II, но он должен был явить собравшимся вельможам новое — истинное — своё лицо, развеяв глупые слухи о том, что герцог Глостер не от мира сего.

Рафаэль, конечно же, подготовил для племянника такую возможность. Среди множества яств было одно, разделывать которое дозволялось лишь королю или особо знатному дворянину. Неизвестно, как Рафаэль уговорил Ричарда II позволить Августу выполнить эту роль, но это стало для всех присутствующих ясным знаком: король благоволит к герцогу.

Однако Рафаэль на этом не остановился, и он не был из тех, кто творит добро втайне. Август узнавал обо всём, что для него делалось.

Например, в разделывании Рафаэль пошёл на хитрость.

Как можно схитрить в разделывании?

Это требует пояснения. Средневековое «разделывание» отличалось от обычного понимания этого слова. Знать не просто разрезала кушанье, но и должна была затем изящно его разложить, создав на блюде благородную и красивую композицию. Занятие, прямо скажем, странное, но невероятно популярное — причём не только тогда, но и впоследствии.

Августу достался королевский белый лебедь. Поскольку подготовка была трудоёмкой, её начали заранее, что и позволило пойти на уловку.

К моменту подачи блюдо представляло собой почти готовый полуфабрикат. Августу же оставалось лишь «поднять лебедя».

«Поднять» — специальный средневековый термин для завершающего этапа разделывания.

Воссозданный лебедь был увенчан золотой короной, на его изящно изогнутой шее красовался венок, а клюв даже был позолочен. Поза птицы сочетала величавость и противоречивость, напоминая умирающего лебедя из балета и оттого обретая философское звучание.

<http://bllate.org/book/15929/1423934>